

— Лю Фу? Тот самый евнух Лю Фу? — голос князя Дуаня от изумления сорвался на высокий, почти визгливый фальцет. — Миньюй, быстро скажи отцу, как ты оказался в руках этого кастрата?

Он едва дышал от волнения. В свое время Дуань перевернул всю столицу вверх дном, но не нашел ни единой зацепки. От того неистового беспокойства он тогда даже заметно осунулся.

Миньюй холодно хмыкнул, окинув родителя взглядом, полным неприкрытого презрения:

— Твои женщины сговорились с чужаками, опоили меня и вывезли из дома. Отец, неужели за то время, пока меня не было, ты так и не возвел наложницу Юй в ранг законной супруги?

— Так это дело рук наложницы Юй? — ахнул мужчина.

— Ты что же, до сих пор не докопался до истины? — мальчик посмотрел на него так, словно перед ним был круглый дурак. — Подумай сам, кто она такая? Если бы я, законный наследник, исчез навсегда, кого бы ты скорее всего сделал новой княгиней? Неужели Гуйфэй из дворца не давила на императора, чтобы тот принудил тебя к этому решению? А Лю Фу — чей он человек? Неужели даже того факта, что я оказался в его когтях, недостаточно, чтобы ты прозрел?

Сын искренне не понимал, как его отец мог быть настолько слеп. Из-за этой глупости он больше года провел в аду и едва не расстался с жизнью. Чем больше Миньюй размышлял об этом, тем сильнее росло его отвращение. Как у такого острого ума, как он, мог быть столь недалекий родитель?

«Должно быть, я пошел в матушку, — решил он про себя. — Ни за что не признаю, что унаследовал от отца хоть каплю этого скудоумия»

— Будь она проклята! — взревел князь Дуань.

В следующую секунду ярость сменилась жгучим стыдом. Сын страдал лишь потому, что отец его был беспечным простофилей. Он всё это время держал змею под боком, ведь сейчас всеми делами во внутреннем дворе управляла именно наложница Юй.

— Неудивительно, что все остальные прибежали сюда, а она носа не кажет. Чует кошка, чье мясо съела! Эй, люди! Немедля взять наложницу Юй под стражу! Глаз с нее не спускать, и чтобы ни шагу из своих покоев! — Дуань внезапно проявил несвойственную ему проницательность. Главной опорой изменницы была Гуйфэй, а значит, нельзя дать ей ни единого шанса отправить весть во дворец и молить о заступничестве. Зная характер императора, тот вполне мог спустить дело на тормозах, и тогда страдания мальчика остались бы неотомщенными.

Настроение Минъюя слегка улучшилось, но он не преминул снова уколоть родителя:

— Другие женщины тоже не остались в стороне. Пока я жив, их сыновьям не видать титула наследника. Я для них — главная преграда. Так скажи мне, отец, зачем ты вообще тащил их в дом и позволял плодиться?

Тот стоял, понутив голову под градом обвинений. Когда сын только пропал, он подозревал неладное и даже вычистил часть прислуги, но, не найдя ребенка, впал в отчаяние и опустил руки. Тем не менее он никогда не помышлял о новой жене и, несмотря на давление свыше, так и не сделал Юй законной супругой.

— Минъюй, клянусь, отец всё исправит. Как только титул наследника будет за тобой официально закреплен, я вышлю всех этих женщин прочь, — заискивающе произнес Дуань. Покойная супруга подарила ему удивительно умного сына, жаль только, что тот еще слишком мал. Будь наследник постарше, князь с радостью передал бы ему бразды правления и навсегда забыл о хлопотах.

Видеть отца, дошедшего до такой степени покорности собственному ребенку, было зрелищем поистине редким. Юань Цзин, наблюдавший за этой сценой со стороны, едва сдерживал изумление.

Минъюй поднялся и, заложив руки за спину, сухо бросил родителю:

— Хорошо. Но пока ты не выметешь из поместья всю грязь, я буду жить у госпожи Фань. В нынешний дом князя Дуаня я войти не рискну — боюсь за свою жизнь.

Лицо мужчины мгновенно вытянулось. Сын вернулся, но не желает оставаться в родных стенах! Однако упреки мальчика были до боли справедливыми. Дуаню оставалось лишь позвать доверенного слугу и отдать распоряжения:

— Минъюй пока поживет у госпожи Фань. Возьми людей и отправляйся с ним. Чтобы ухаживали за моим сыном по высшему разряду! Еда, одежда, постель — всё должно быть безупречным. Если хоть в чем-то выйдет оплошность, я с вас головы сниму.

— Слушаюсь, ваше высочество. Старый раб лично проследит за маленьким господином, — засуетился слуга, приказывая немедля собирать вещи и готовить всё необходимое.

Минъюй самодовольно вскинул подбородок, победно глядя на Юань Цзина и госпожу Фань. Лекарь лишь покачал головой — мальчишка провернул дело так, что в итоге всё равно вернулся к ним. Настоящее упрямство в чистом виде.

Госпожа Фань не возражала. Она понимала, что в поместье сейчас небезопасно и нужно провести тщательную чистку. К тому же история с Лю Фу явно указывала на серьезный заговор

— у кого еще хватило бы влияния привлечь на свою сторону личного евнуха императора?

— Не беспокойся, Миньюй. Отец немедля едет во дворец. Титул наследника принадлежит только тебе. Как только я разберусь с делами здесь, лично приеду за тобой к госпоже Фань, — пообещал Дуань, потирая руки и надеясь заслужить хотя бы тень одобрения на лице сына.

— Что ж, тогда я пошел, — наследник поманил Юань Цзина рукой. Все хлопоты он с легким сердцем переложил на плечи родителя — в конце концов, тот сам их создал. Раз уж тот так разжирел от праздности, пусть теперь попотеет.

Юань Цзину ничего не оставалось, как взять мальчика за руку и вместе с госпожой Фань откланяться.

Слуги князя тут же пристроились следом, но Миньюй наотрез отказался ехать с ними в одной карете, предпочитая компанию своих спасителей. Глядя на его довольный вид, Юань Цзин легонько ущипнул его за нос.

— Решил еще на пару дней задержаться? Только зря отца пугаешь.

Миньюй лишь гордо фыркнул. У него уже зрел план, как видеться с Юань Цзином и в будущем. К тому же личное присутствие будущего наследника в доме госпожи Фань защитит её куда надежнее. В Нинчэне он во всём зависел от этого лекаря-шуаньэр, без которого бы просто умер с голоду, но теперь, вернувшись в столицу, он покажет Юань Цзину, что здесь — его территория.

Юань Цзин не догадывался о ходе мыслей своего подопечного, считая, что мальчик просто привязался к ним и не хочет расставаться с ним и Чжан Чжи.

Как только карета скрылась из виду, взгляд хозяина поместья стал ледяным.

«Гуйфэй, значит? И ты, Юй... Решили погубить моё сокровище? Думаете, раз за вами стоят император и Гуйфэй, я не посмею коснуться вашей паршивой шкуры?»

— Готовьте выезд, я еду к государю! — рявкнул он. — А ту женщину по фамилии Юй бросьте в подземелье. Пусть заговорит. Если будет упрямитесь — скажите, что я отправлю её на свидание с Лю Фу.

Он вовсе не был так беспечен, как казалось. У всех его женщин были дети, и только лоно Юй оставалось бесплодным, но князь и представить не мог, что её амбиции зайдут так далеко.

Весть о смерти Лю Фу уже достигла столицы. Хоть Дуань и не посещал утренние аудиенции, он знал, что император в ярости. Лю Фу отправился в Цзяннань как доверенное лицо монарха, и его убийство было прямым вызовом трону. Государь требовал немедля найти преступников.

Тогда князь лишь злорадствовал, не вынося заносчивых кастратов, но сейчас его душила ярость. Если бы он знал, что его сын томился в подземелье этого ничтожества, он бы не позволил Лю Фу умереть так легко — он бы заставил его молить о смерти под ножом палача.

Эту женщину, Юй, император сам навязал ему когда-то, и Дуань, не желая ссориться, дал ей место наложницы-консорт. Но на этом его уступки закончились — сколько бы государь ни намекал, он наотрез отказывался делать её законной женой.

Раньше у него не было улик против нее, но теперь всё встало на свои места. Должно быть, кто-то очень влиятельный помогал ей заметать следы. Но они просчитались: его сын под защитой небес вернулся домой живым и невредимым. Теперь, даже если монарх встанет на её защиту, князь не оставит её в живых. В его собственном доме её жизнь — лишь звук его голоса.

— Слушаюсь, ваше высочество.

— Вперед, во дворец!

Наложница Юй действительно не ожидала, что Сяо Миньюй когда-нибудь вернется. Будь проклят Лю Фу! Как он мог упустить мальчишку? От страха и нечистой совести она не рискнула сразу явиться на глаза князю, а когда решилась отправить весть Гуйфэй, чтобы просить совета, было уже поздно. Её покои окружили вооруженные люди, и ни один её слуга не смог прорваться сквозь оцепление.

Вскоре в её комнаты ворвались евнухи. Без лишних слов её связали и заткнули рот, лишив даже возможности позвать на помощь. Женщину охватил первобытный ужас. Она столько лет делила с князем ложе — неужели в нем не осталось ни капли нежности? Неужели он осудил её лишь со слов мальчишки, даже не выслушав оправданий?

Тем временем появление князя Дуаня во дворце произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сяо Миньюй, пропавший больше года назад, нашелся!

Рассказывали, что едва император подтвердил титул наследника, Дуань рухнул ему в ноги и зарыдал в голос. Он выл о собственной никчемности, о том, что бабы в его доме сговорились с изменниками, чтобы известить его единственное дитя. С соплями и слезами он молил государя восстановить справедливость.

Государю и самому было любопытно, где пропадал мальчик и кто посмел его похитить.

Князь, скрежеща зубами, объявил, что наложница Юй в стоворе с Лю Фу погубила бы его сына, если бы тот чудом не сбежал после смерти евнуха. По пути Миньюй встретил госпожу Фань, которая искала собственное дитя, и та привезла его в столицу.

Разумеется, о существовании Юань Цзина Дуань умолчал. Миньюй был спасен врачом, но раз

Лю Фу мертв, историю можно было переписать как угодно. Раз он сказал, что сын сбежал сам — значит, так оно и было. А то, что мальчик и госпожа Фань узнали друг друга — дело житейское, ведь она качала его на руках еще младенцем.

Император опешил:

— Ты уверен? Может, тут какая-то ошибка?

Дуань заголосил еще громче:

— Государь хочет сказать, что мой сын лжет? О, если бы этот пес Лю Фу был жив, я бы лично спросил его, по какому праву он держал члена императорской семьи в цепях целый год! В жилах Минъюя течет кровь дома Сяо! Неужели этот кастрат возомнил, что он выше самого монарха, раз посмел поднять руку на принца? Ваше величество, мой бедный сын так напуган, что до сих пор боится возвращаться в родной дом, пока там сидит эта женщина! Он предпочитает жить у госпожи Фань... О, как горька моя доля!

Князь рыдал так неистово, словно у него разом умерли все предки. Его вопли разносились по коридорам дворца, и вскоре о случившемся судачила вся столичная знать.

Государь, хоть и благоволил Драгоценной наложнице, не мог не признать правоту брата. Действительно, Лю Фу зашел слишком далеко. Кто дал евноху такую власть? Если сегодня он похищает принцев, то не посягнет ли завтра на сам трон? Мысль о том, что слуги перестали его бояться, ужалила монарха. Он всегда считал, что кастраты преданы ему до гроба, но теперь его уверенность пошатнулась.

К тому же вид рыдающего навзрыд Дуаня был невыносим. Император мечтал лишь о том, чтобы этот человек отпустил его сапоги.

— Ладно, ладно, хватит выть! Делай в своем доме что хочешь, я не стану вмешиваться. Раз это и правда дело рук наложницы Юй — поступай с ней как знаешь.

Одна наложница — не велика потеря. Ради нее монарх не собирался ссориться с братом и обижать законного наследника.

Получив монаршее благословение, князь Дуань поспешил домой, мечтая четвертовать изменницу. Ему было плевать, как Гуйфэй будет выкручиваться перед государем — слово императора было законом, и назад дороги не было.

Вскоре вся столица знала: Сяо Минъюй вернулся. Его спасла госпожа хоу Хуайюань, отправившаяся в Цзяннань за своим сыном. А похищен он был по наущению наложницы Юй и Лю Фу — об этом Дуань прокричал на весь дворец.

Знать тут же припомнила недавние скандалы в доме хоу. Оказывается, госпожа хоу уехала из столицы, чтобы забрать своего настоящего ребенка, подмененного шестнадцать лет назад. Говорили, что она в пух и прах рассорилась с мужем, но надо же — какая удача! В Нинчэне она спасла жизнь маленькому наследнику.

Правда, поговаривали, что её собственный сын так и не был найден. И всё же, обретя покровительство князя Дуаня, госпожа хоу стала неприкосновенной. Осмелится ли теперь хоу Хуайюань попрекать жену?

А ведь в это дело была впутана и резиденция князя Чэн. Раз детей подменили, значит, Чжао Хань, который вот-вот должен был войти в этот дом, вовсе не благородной крови, а сын простого торговца? Захочет ли теперь наследник князя Чэн брать в наложники безродного юношу?

Интриги громоздились одна на другую, заставляя жителей столицы — от вельмож до простолюдинов — замирать в изумлении.

Но если знать просто развлекалась, то императорский клан Сяо был в ярости. Члены императорской семьи один за другим являлись к князю Дуаню, желая знать правду: неужели кастрат Лю Фу действительно посмел тронуть их кровь?

Хозяин поместья отвечал им резко: зачем ему лгать и чернить покойника? Его сын год гнил в темнице и до сих пор не может простить отцу его оплошности. Будь Лю Фу жив, Дуань бы притащил его в столицу и пытал бы до тех пор, пока тот не проклял бы день своего рождения.

У Клана не было причин сомневаться в его словах, тем более что в подземелье наложница Юй под пытками уже во всём призналась. Разъяренные князья отправились во дворец с двумя целями: во-первых, напомнить императору, что давать власть евнухам опасно, а во-вторых, указать, что дерзость Юй питалась безнаказанностью некой женщины во дворце. Они требовали, чтобы государь не позволял Гуйфэй губить репутацию правящего дома.

Государь, уставший от упреков, лишь твердил, что Гуйфэй ни при чем — это была личная инициатива Юй и Лю Фу. Но старые князья были непреклонны: они едва не плевали кровью от негодования, видя, как монарх выгораживает свою любимицу. В конце концов, их советы свелись к одному: государю пора выбрать наследника из числа племянников, пока эта женщина окончательно не развалила империю.

Резиденция хоу Хуайюань.

Чжао Дэчанг всё еще кипел от злости на жену за её дерзость. Узнав от Чжао Ци, что госпожа Фань отказывается возвращаться и живет в своем поместье, он пришел в ярость. Чтобы он — и сам пошел звать её обратно?

Ни за что! Пусть живет где хочет!

— Отец, брат, должно быть, уже не найдется. Матушка убита горем, это понятно. Дайте ей время, она одумается, — Чжао Ци пытался примирить родителей, хотя и сам устал от этого напряжения. Его беспокоило, что жизнь матери вне дома хоу бросает тень на его собственную репутацию.

Услышав, что подкидыш не нашелся, Чжао Дэчанг даже испытал облегчение. Нет ребенка — нет и перемен. Чжао Хань по-прежнему остается их шуаньэрем и вскоре войдет в дом князя Чэн.

— Вот и пусть твоя мать остынет. Вернется в дом — снова начнет на Хань-эр косо смотреть да ссоры затевать. Если так за нее переживаешь — навещай почаще. Когда придет в себя, тогда и уговоришь вернуться.

Слова о разводе тогда были сказаны в сердцах — хоу был вполне доволен Чжао Ци и не собирался менять наследника. Госпожа Фань должна была оставаться на своем месте, ведь Чжао Хань формально числился её сыном. Если развестись, статус шуаньэря станет двусмысленным, и кто знает, что скажет на это князь Чэн?

Чжао Ци понял, что отец не уступит, и замолчал.

Вернувшись в свои покои, он смыл дорожную пыль и собирался было отдохнуть после долгого пути, но слуга отца сообщил, что господин требует его немедленно по крайне важному делу.

Юноша поспешил к родителю и застал того в крайнем возбуждении.

— Твоя мать... Она правда спасла наследника князя Дуаня в Нинчэне?

— Что? — Чжао Ци ничего не понимал.

Чжао Дэчанг не унимался:

— С твоей матерью был мальчик лет восьми? Тот самый шуаньэр? Так это и был Сяо Миньюй!

— Тот шуаньэр? — юноша застыл в оцепенении. — С матерью действительно был ребенок... Так его личность была лишь маскировкой? Он и есть наследник? Отец, что всё это значит?

Хоу Хуайюань почувствовал укол обиды на жену: о таком важном деле она не сказала даже родному сыну! Он пересказал Чжао Ци дворцовые новости. Тот кусал губы от досады и горечи. Мать совсем не думала о нем! Неужели он ей не родной?

Они так держались за Чжао Хань лишь потому, что та открывала им двери в дом князя Чэн, надеясь на возвышение. Но если бы они заручились дружбой князя Дуаня... Такая возможность проплыла мимо них, а он даже не догадался!

— Идем! Карета уже готова. Мы немедля едем за твоей матерью. Теперь, когда наследник у нее, мы обязаны вернуть их обоих в наш дом!

<http://bllate.org/book/15835/1506415>